

Челночная дипломатия: визиты сербов в Россию накануне Первой мировой войны

Развитие отношений между Сербией и Россией в начале XX в. (а более точно — после Майского переворота 1903 г., сменившего правящую сербскую династию) представляло собой один из ключевых аспектов общей динамики развития международных отношений на Балканах и в Европе в целом. И в данном контексте немаловажная роль принадлежала непосредственным встречам и переговорам руководителей Сербии с российскими государственными и общественными деятелями. Персональный фактор традиционно играл (и продолжает играть) важную роль в сербской политике, и потому подобные встречи задавали тот или иной вектор как двусторонним взаимоотношениям Белграда и Санкт-Петербурга, так и в более широком плане динамике ситуации в регионе. Члены правящей сербской династии, премьер-министр Никола Пашич и члены его кабинета активно пытались привлечь Россию к реализации собственных внешнеполитических планов (зачастую весьма рискованных и далеко не всегда отвечавших российским национально-государственным интересам). Российская сторона стремилась сохранить и укрепить собственные позиции в Сербии и при этом использовать сербский фактор в собственных геополитических комбинациях — особенно в период Балканских войн 1912–1913 гг. При этом ситуация осложнялась таким немаловажным обстоятельством, как «противоречивость взаимных ожиданий» обоих государств — когда в Белграде и Санкт-Петербурге по-разному трактовали в том числе и достигнутые договоренности. «Сложные процессы на Балканах приносили большую пагубу отношениям расположенных здесь стран с Россией. Все они созидали свою государственность по

западноевропейскому образцу и резко отрицательно относились к самодержавию», — указывает в этой связи российский балканист В.Н. Виноградов¹. И подобная оценка в значительной степени относится к сербо-российским отношениям начала XX в.

Однако политики в Белграде хорошо понимали, что любые внешнеполитические — да и в значительной степени внутриполитические — комбинации не могут быть реализованы без поддержки со стороны Санкт-Петербурга, и торопились лично решать проблемы и согласовывать планы.

Среди поездок государственных деятелей Сербии в Россию накануне Первой мировой войны ключевое место принадлежит визиту представительной сербской делегации в конце января 1914 г., в ходе которого, по оценке российского югославииста академика Ю.А. Писарева, было фактически достигнуто соглашение «о взаимной поддержке в случае войны с Центральной коалицией»². О том значении, которое в Сербии придавали данному визиту, говорит тот факт, что в состав делегации вошли престолонаследник Александр и председатель Совета министров Н. Пашич. С российской стороны во встрече на высшем уровне приняли участие император Николай II и министр иностранных дел С.Д. Сазонов.

Формально встреча была приурочена к крестинам сына сербской принцессы Елены (дочери Петра I Карагеоргиевича) и князя Иоанна Константиновича Романова. Их роскошная свадьба была сыграна в январе 1910 г. в Санкт-Петербурге, а шаферами новобрачных стали император и императрица.

Однако в центре бесед по понятным причинам оказались военно-политические вопросы. Сербия нуждалась в срочном и масштабном укреплении своей армии после двух кровопролитных Балканских войн. Россия стремилась заручиться безусловной поддержкой Белграда в случае негативного развития общей ситуации в Европе.

Взаимные обязательства сторон подтвердили лично Н. Пашич и С.Д. Сазонов. Россия пообещала поставить в Сербию 120 тыс. ружей, 250 тыс. шинелей, 60 полевых и горных артиллерийских орудий и другую военную технику, боеприпасы и

амуницию. Кроме того, Николай II лично пообещал сербам «любую поддержку, которая ей понадобится». Сербия же взяла на себя обязательство согласовывать свои военные планы с Генеральным штабом русской армии. Визит сербской делегации и ход переговоров были весьма восторженно встречены в самой Сербии. Сербский посланник в Санкт-Петербурге М. Спалайкович заявил, что прием, оказанный сербской делегации, «превзошел все ожидания»³.

Что же касается российской стороны, то в развитие достигнутых договоренностей Генеральный штаб оперативно приступил к разработке планов совместных действий России и Сербии на случай войны. Уже 1 марта 1914 г. генерал-квартирмейстер русской армии Ю.Н. Данилов направил Николаю II и С.Д. Сазонову секретный доклад под названием «Записка о вероятных планах Тройственного союза против России», в котором особое место было уделено Сербии. Согласно оценкам военных, сербы могли оказать весьма существенную помощь на Балканском театре военных действий. В частности, в «Записке» подчеркивалось, что сербская армия способна отвлечь на себя от трех до шести корпусов австро-венгерской армии. Двусторонние консультации было решено продолжить на уровне военных министерств, и уже в мае 1914 г. ведомства обменялись более конкретной информацией о нуждах и возможностях Сербии⁴.

Как показали первые месяцы начавшейся общеевропейской войны, российские военные поставки в Сербию фактически спасли эту страну от немедленного разгрома. Вот как описывал сложившуюся ситуацию в своих воспоминаниях тогдашний чрезвычайный и полномочный посланник России в Белграде князь Г.Н. Трубецкой: «По единогласному отзыву всех, бывших в то время в Сербии, крупным переворотом в военных делах сербский народ больше чем наполовину был обязан своему престарелому королю Петру. Другим фактором, оказавшим благотворное воздействие, была русская помощь снарядами и обмундированием». «Австрийское вторжение одно время совершенно деморализовало армию, — вспоминал российский дипломат. — Снарядов не было, армия была разута и раздета. Сербы спохватились очень поздно. Они зывали за помощью

к нам, но нам было очень трудно оказать эту помощь. В начале войны наш Генеральный штаб сделал геройское усилие и послал в Сербию 120.000 берданок, хотя сами мы также нуждались в ружьях». «Благодаря этим берданкам, пришедшим в последнюю минуту, сербы отразили первое австрийское нашествие. До того у них было так мало ружей, что в бою был вооружен только первый ряд солдат, а второй ряд выжидал, когда убьют или ранят его товарищей, и тогда пользовался их ружьями. Ко времени второго вторжения сербы ощущали, как я уже сказал, острый недостаток в артиллерийских снарядах и обмундировании. У нас было решено послать снаряды из добычи, захваченной нами в Галиции», — свидетельствует Г.Н. Трубецкой⁵.

Подобная ситуация была связана как с общей неподготовленностью Сербии к новой войне после двух Балканских войн, так и с тем фактом, что сама Австро-Венгрия вела планомерную подготовку к антисербскому выступлению еще с 1907—1908 гг. (хотя данная опция далеко не всегда рассматривалась Веней в качестве определяющей). Как подчеркивают в этой связи сербские исследователи А. Митрович и А. Растович, в зависимости от расклада военно-политических сил на Балканах и в Европе в целом, монархия Габсбургов могла привести в действие один из трех сценариев: полный раздел Сербии между Австро-Венгрией, Болгарией и Румынией, передачу значительной части территории Сербии Болгарии, Румынии и Албании с тем, чтобы лишить сербское государство жизнеспособности и тем самым заставить Белград полностью ориентироваться на Вену, и, наконец, включение территории Сербии в состав Австро-Венгрии (в том числе по определенной аналогии с Боснией и Герцеговиной)⁶.

Следует отметить, что военно-политические договоренности, достигнутые в первой половине 1914 г., стали лишь завершающим этапом многопланового взаимодействия Сербии и России, в котором многочисленные визиты и переговоры зачастую преследовали цель не только не раскрывать внешнеполитические карты, но и тщательно их скрывать. Министр иностранных дел, а позже — председатель Совета министров Сербии М. Милованович являлся одним из убежденных сторонников создания Балканского союза на основе заключения

договора с Болгарией. «Самым непримиримым и самым упорным был Пашич, самым уступчивым Милованович», — так описал свои впечатления от состоявшейся в сентябре 1911 г. и посвященной созданию Балканского союза встречи представителей Сербии и Болгарии делегат Софии Д. Ризов⁷. Однако даже Милованович, дважды (в 1910—1911 гг.) посещавший с визитами Россию и обсуждавший создание болгарского блока с А.П. Извольским и С.Д. Сазоновым, не смог предоставить российским собеседникам всю полноту информации о ходе сербо-болгарских переговоров о заключении союзного договора. Впрочем, болгарские визитеры были еще более скрытными. Как позднее признавался Ст. Данев, он в ходе собственных переговоров в Ливадии с Николаем II и С.Д. Сазоновым ни словом не обмолвился о готовившейся в то время сербо-болгарской военной конвенции⁸.

Если уж даже такой убежденный сторонник Балканского союза, как М. Милованович, был вынужден скрывать многие ключевые подробности внешнеполитической деятельности сербского правительства, то умудренный опытом Н. Пашич тем более был не склонен к излишней откровенности. Однако и он хорошо понимал, что успех сербской внешнеполитической стратегии в значительной мере определялся поддержкой со стороны России.

И Россия отвечала ему взаимностью. Во время официального визита сербского короля Петра I Карагеоргиевича в Россию 10 марта 1910 г. сопровождавший его Пашич был награжден российским орденом Белого орла с бриллиантами.

История этого ордена, к слову, тоже несет в себе занятные исторические аналогии. Он был причислен к российским орденам в 1831 г. как императорский и царский орден Белого орла, однако был учрежден еще в 1705 г. в Польше. После разделов Речи Посполитой орден Белого орла стал наградой Варшавского герцогства, а после 1815 г. — Царства Польского в составе Российской империи.

В 1831 г. в Польше вспыхнуло восстание, и после его подавления российский император Николай I постановил причислить все польские ордена к российским. Первыми «лауре-

атами» ордена Белого орла «российской» версии закономерно стали военные, «отличившиеся» при подавлении польского восстания: генерал-фельдмаршал светлейший князь И.Ф. Варшавский, граф И.Ф. Паскевич-Эриванский, генералы от кавалерии И.О. Витт и П.П. Пален.

С 1835 г. ордену Белого орла было отведено почетное место в иерархии российских орденов — следом за орденом св. Александра Невского. Знак ордена следовало носить у правого бедра на синей (с 1883 г. — темно-синей) широкой ленте через левое плечо, а сама звезда носилась на левой стороне груди.

Никола Пашич неизменно гордился русскими орденами, в числе которых, помимо ордена Белого орла с бриллиантами, выделялся также орден св. Владимира I степени. Они сопровождали патриарха сербской политики и в последний путь — после его кончины в 1926 г. Пашич лежал в ореховом гробу, усыпанном красными гвоздиками и белыми розами. У его одра стояло 128 венков. В первом ряду среди наград, которые несли курсанты Военной академии, были оба вышеупомянутых ордена, а на груди покойного лежала русская икона св. Спиридона в серебряном окладе, к которой прикладывались все пришедшие проститься с Пашичем.

Никола Пашич искренне любил Россию и всегда чувствовал себя в ней своим, общаясь на русском языке. Сербский посланник в России Димитрие Попович вспоминал, как на приеме по случаю упоминавшегося выше визита в Санкт-Петербург короля Сербии Петра I Карагеоргиевича в 1910 г. Пашич разговаривал без переводчика с одним русским генералом, и последний в заключение с удивлением признался: «А я и не знал, что сербский язык так похож на русский». Расписываясь в книгах посещений во время собственной дипломатической службы в качестве сербского посланника в России в 1893–1894 гг., будущий глава правительства неизменно указывал «Николай Петрович Пашич». Аналогичную запись он оставил уже в годы Первой мировой войны, когда 28 апреля 1916 г. подтверждал распиской получение от Московской городской думы 100 тыс. рублей на нужды сербской армии. «Николай Петрович Пашич. Министр Председатель Сербский», — было указано в расписке.

Однако при всем при том вряд ли будет преувеличением сказать, что активно развивавшиеся в начале XX в. отношения между Сербией и Россией не только служили традиционным «раздражителем» для других великих держав (в первую очередь, Австро-Венгрии), но и порождали в Белграде стойкие соблазны спровоцировать Санкт-Петербург на неосмотрительные действия или, в крайнем случае, использовать российскую поддержку для решения внутривнутриполитических задач. Впрочем, и российская общественность, и средства массовой информации в своих явных и тайных желаниях и намерениях не уступали сербским — тем более, что взрывоопасная обстановка на Балканах то и дело подбрасывала им «горячие» поводы. Да и сама система международных отношений в Европе переживала в рассматриваемый период глубинные трансформации. «Инклюзивность ставит под вопрос прежнюю клубную дипломатию и превращает в достояние прошлого решения Венского конгресса, которые столь долго служили основанием западной дипломатии. Она ослабляет концепцию полярности, равно как и постулат об упорядоченности международной системы», — весьма точно замечает в этой связи профессор Парижского института политических исследований Бертран Бади⁹. И хотя в Сербии применительно к внешней политике отсутствовали пресловутая «боязнь расчленения» и концепция «осажденной крепости», которая в начале XX в. в значительной степени отягощала ситуацию в македонском национальном движении,¹⁰ — общая ситуация военно-политической неопределенности оказывала дестабилизирующее влияние на сербскую внешнюю политику.

Предыстория Второй Балканской войны 1913 г. — наглядный пример ограниченности российского влияния на своих восточных балканцев, которые предпочитали прислушиваться к Санкт-Петербургу лишь тогда, когда намеревались сыграть на противоречиях великих держав или же когда сами оказывались в военно-политическом тупике. Понимая нависшую над Балканским союзом реальную угрозу, Николай II в июне 1913 г. направил руководителям Сербии и Болгарии личное послание, в котором выразил удивление и озабоченность в связи с тем, что его предложение о созыве в российской столице конферен-

ции лидеров правительств заинтересованных государств не было услышано, и еще раз призвал стороны сохранить союзнические отношения и согласиться на его арбитраж, указав, что в случае, если на Балканах вспыхнет братоубийственная война, Россия «оставляет для себя полную свободу действий»¹¹. К тому же в Петербурге должны были принимать во внимание весь комплекс актуальных балканских проблем. А среди них, помимо сербских и болгарских планов, всё более важную роль в рассматриваемый период играл албанский фактор, включавший в себя в том числе «все более крупные антитурецкие выступления албанцев»¹².

Боснийский кризис 1908—1909 гг. — еще одна веха в истории Сербии, когда Белграду понадобилась поддержка Петербурга — как минимум политическая, но лучше военная. И в ноябре 1908 г. Н. Пашич отправился с рассчитанным на неделю визитом в Россию, который внес дополнительную сумятицу в головы сербов и россиян. Цитируем заметку из газеты «Русское слово»: «Сегодня Н. Пашич выезжал в Царское село, где пробыл около двух часов. Вашему корреспонденту Пашич заявил, что он в высокой степени счастлив оказанным ему приемом. Маститый сербский патриот смотрит весьма оптимистически в будущее. Он уверен, что делу мира не угрожает опасности, что державы не допустят возникновения военных действий на Балканах. Сегодняшний день укрепил в сильнейшей степени веру Пашича в мирный исход конфликта. Н. Пашич покинет Петербург 5-го ноября». Однако в том же номере газеты на тему «Россия и аннексия» позиция Санкт-Петербурга в отношении аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией была изложена в ином смысле, и опять-таки со ссылкой на визит сербского премьера: «После сегодняшнего посещения Н. Пашичем Царского села к вечеру распространился упорный слух о том, что Россия окончательно не признает аннексии»¹³.

Между тем официальная позиция России была более сдержанной. Санкт-Петербург призвал рассмотреть этот вопрос на международной конференции государств-участников Берлинского конгресса 1878 г., а до того посоветовал сербскому правительству не предпринимать никаких самостоятельных действий.

Как известно, вследствие противодействия со стороны Австро-Венгрии и Германии и отказа Франции предоставить России действенную и безусловную поддержку, международной конференции по Боснии и Герцеговине не суждено было состояться. В этих условиях Россия сочла благоразумным и для себя, и для Сербии не противодействовать аннексии, что, как показало последующее развитие событий, очевидно, было оптимальным решением в столь сложной международной обстановке, тем более, что и Англия отнюдь не намерена была выступать против Австро-Венгрии. Как признавал уже после Первой мировой войны премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж, выступая в британском парламенте в январе 1918 г., «в задачи английской политики не входит разрушение Австро-Венгрии»¹⁴. Что же касается собственно Османской империи, в состав которой, согласно Берлинскому трактату, входили обе провинции, то механизм обеспечения ее интересов уже после аннексии был прописан в соглашении от 26 февраля 1909 г. «Об урегулировании между Австро-Венгрией и Османской империей»¹⁵.

Но вернемся к «российскому измерению» сербской политики. Отнюдь не только Петр I Карагеоргиевич и Никола Пашич регулярно «сверяли часы» с российскими руководителями, как любят говорить сегодняшние дипломаты. Наследник сербского престола, крестник российского императора Александра III Александр I Карагеоргиевич был связан с Россией еще более тесными узами. В 1904 г. он окончил Пажеский корпус в Санкт-Петербурге и с тех пор был весьма привязан к России и русским. Из воспоминаний баронессы Е.Н. Мейендорф можно узнать, что Николай II просил ее деда, генерал-адъютанта Б.Е. Мейендорфа, опекать будущего сербского короля в свободные от занятий дни. И Александр стал часто бывать в их гостеприимном доме. Закономерно не обошли стороной храброго и харизматичного сербского престолонаследника и российские ордена. После окончания Балканских войн, в которых он принимал личное участие и отличался, по свидетельствам российских дипломатов, беспримерной храбростью, королевичу был пожалован орден св. апостола Андрея Первозванного,

а за мужество, проявленное уже в сражениях Первой мировой войны, Николай II последовательно награждал его орденами св. Георгия 4-й и 3-й степеней.

Российские дипломатические представители на Балканах традиционно высоко оценивали фигуру Александра Карагеоргиевича, внимание к которому в Санкт-Петербурге значительно возросло летом 1914 г. в силу сербских внутривосточных обстоятельств. Король Петр Карагеоргиевич, отправляясь на лечение во Враньску-Баню (курорт, находившийся на пути между городами Скопье и Ниш), издал 24 июня специальный манифест, в котором говорилось о передаче на время его лечения всех прав и полномочий престолонаследнику Александру. Это был первый случай, когда монарх, находясь в стране, предоставил регентство наследнику¹⁶.

Конституция Сербии предусматривала два случая регентства. В статье 53 говорилось, что в случае временного отсутствия короля на территории Сербии его полномочия переходят к наследнику престола¹⁷. Статья 69 гласила, что «в случае отсутствия у короля возможности осуществлять королевскую власть, наследник престола, если он является совершеннолетним, должен править от его имени»¹⁸. Следует подчеркнуть, что регентство на основании последней статьи устанавливалось впервые за всё время правления короля Петра¹⁹. В королевском манифесте говорилось следующее: «Моему дорогому народу. Так как болезнь препятствует мне в течение некоторого времени вершить мою королевскую власть, то я постановляю, чтобы, на основании 69-ой статьи конституции, пока будет продолжаться мое лечение, — именем моим властвовал наследник престола Александр. Поручаю и в этом случае свою дорогую отчизну защите Всемогущего»²⁰.

Возвышенный тон манифеста и упоминание о том, что регентство продлится всё время, пока будет продолжаться лечение, произвели большое впечатление в стране, породив самые разнообразные оценки и слухи, в том числе и о возможном отречении²¹. Согласно официальной версии, изложенной в газете «Самоуправа» («Самоуправление»), данный шаг короля не был вызван какими-либо сенсационными обстоятельствами, и тем

более нельзя говорить о его отречении от престола. Здоровье Петра Карагеоргиевича, которому 12 июля 1914 г. должно было исполниться 70 лет, заметно ухудшилось. Обострившийся в последние годы склероз, мучительные ревматические боли и прогрессирующая глухота привели к практически полному отказу короля от участия в официальных мероприятиях. За последнее время он почти не появлялся на людях, за исключением непродолжительных загородных прогулок на автомобиле. Государственная деятельность его утомляла, а иногда и вызывала раздражение. Во время последнего правительственного кризиса король дважды перенес продолжительный обморок, в связи с чем врачи, во избежание осложнений, категорически предписали ему полный покой и всестороннее лечение. Это побудило Петра Карагеоргиевича передать управление страной сыну Александру. «Я, может быть, скоро умру, — сказал король в частной беседе с Пашичем, — пора же наконец престолонаследнику ближе познакомиться с государственными делами»²².

Российский посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг, имевший многочисленные встречи и беседы с престолонаследником в самые тяжелые и переломные моменты сербской истории, докладывал в МИД России, что, «несмотря на свою молодость, королевич Александр поражает зрелостью суждений и здравым пониманием интересов Сербии, спокойствием и совсем не свойственной его годам уравновешенностью. Питая глубокое уважение и доверие к Пашичу, престолонаследник, одно время увлекавшийся наравне с воинствующей партией успехами сербского оружия, готов был осудить премьера за нерешительность действий, но вскоре, под влиянием дальнейших событий, он осознал свою ошибку и ныне является ярким сторонником осторожной и благоразумной политики первого государственного мужа Сербии»²³. Так же высоко Н.Г. Гартвиг оценивал королевича Александра и в частном письме министру иностранных дел России С.Д. Сазонову от 14 января 1914 г., в котором подчеркивал, что тот «так прекрасно вел себя за весь тяжелый период, проявил столько самообладания, личной храбрости и самоотвержения во время обеих кампаний, что положительно завоевал себе симпатии и уважение не только всех сербов, но

и союзников. Его образ действий сильно укрепил династию; семейные недоразумения стихли окончательно, и королевич Александр является единственным законным наследником»²⁴.

Среди высокопоставленных представителей династии Карагеоргиевичей мы можем найти в начале XX в. еще одну примечательную фигуру, являвшую собой живое свидетельство тесных русско-сербских отношений. Это князь Арсен Карагеоргиевич — брат короля Петра и внук вождя Первого сербского восстания 1804—1813 гг. Карагеоргия. После начала русско-японской войны 1904—1905 гг. он вступил добровольцем в состав русской казачьей конной армии и воевал в рядах сначала Второго Нерчинского, а затем Второго Аргуского полков Второй бригады Забайкальской казачьей дивизии. За боевые заслуги и героизм Арсену Карагеоргиевичу было пожаловано звание казачьего есаула. Под его командованием оказались сначала эскадрон, а затем кавалерийский полк. Он принимал участие в важнейших сражениях русско-японской войны — в битве за Порт-Артур, а также в Мукденском сражении. За проявленное мужество Арсен Карагеоргиевич был возведен в чин полковника и награжден золотой Георгиевской саблей.

Активно стремились в Россию, как в политических, так и в культурных целях, депутаты Народной скупщины Сербии. В российских дипломатических архивах сохранились свидетельства о нескольких подобных визитах — в частности, о пребывании в Москве двух сербских парламентариев от Старорадикальной партии — Драгана Йовановича и Душана Михайловича — в конце 1913—начале 1914 гг. Согласно сохранившимся в Архиве внешней политики Российской империи документам, их интересовали перспективы российско-сербских военно-политических отношений в случае нового обострения ситуации на Балканах, а также различные аспекты интеграции освобожденных в результате Балканских войн областей — в первую очередь, Старой Сербии (Косово)²⁵. В ходе встреч со своими коллегами из Московской городской думы сербские депутаты стремились прояснить два интересовавших их главных вопроса: поддержит ли Россия Сербию в том случае, если сербское правительство придет к выводу о необходимости за-

нять более жесткую позицию в отношении сербо-албанского территориального разграничения, и насколько значимой может оказаться поддержка с российской стороны в случае нового обострения взаимоотношений между Белградом и Веной. «Окажет ли российское правительство немедленно помощь Сербии, если ее справедливые планы обеспечить свои интересы встретят противодействие со стороны Австро-Венгрии, включая военную операцию?» — таким вопросом задавался Д. Йованович в ходе своих встреч в Москве с местными депутатами, журналистами и общественными деятелями.

Его собеседники, со своей стороны, всячески стремились умерить ожидания сербских парламентариев, подчеркивая, что Россия искренне надеется на сдержанность как Белграда, так и Вены, которая, в том числе, служит надежным источником обеспечения интересов Сербии в плане мирного «освоения» вновь присоединенных балканских областей. При этом российские представители ссылались на самого главу правительства Сербии Н. Пашича, который в данной связи подчеркивал: «Сегодня в наших интересах, чтобы Австро-Венгрия существовала еще 25–30 лет, пока мы на юге не освоим всё настолько прочно, что эти территории нельзя будет от нас отделить»²⁶. А российский поверенный в делах в Белграде В.Н. Штрандтман сообщал в российское внешнеполитическое ведомство, что «Сербия сможет перевооружить свою армию только через два с половиной года, и то при активной помощи своих союзников»²⁷.

В беседе с представителем Санкт-Петербургского телеграфного агентства В. Сватковским, состоявшейся 4 октября 1913 г. в Вене, Н. Пашич следующим образом охарактеризовал первоочередные задачи своей страны в деле восстановления и укрепления вооруженных сил: численное увеличение армии до полумиллионного строевого состава, включающего в себя 400 тыс. человек пехоты и 100 тыс. человек, связанных с кавалерией, артиллерией и техническими войсками, помимо не включаемых в это число вспомогательных частей, а также служб охраны путей сообщения и поддержания общественного порядка в стране. Данные количественные показатели определялись Пашичем исходя из поставленной им общей стратегической

цели: сделать сербскую армию по всем основным показателям не уступающей по силе болгарской. При этом в мирное время предполагалось держать под ружьем 50–60 тыс. человек. Одновременно перед сербскими вооруженными силами встала необходимость восполнить убыль офицерского корпуса и повысить его численность пропорционально увеличению рядового состава. По свидетельству сербского посланника в Вене Й. Йовановича, убыль сербских офицеров во время войны, не признаваемая официально, составила около 10% от всего их числа. При этом необходимо принять во внимание тот факт, что в сербской армии на 100 солдат приходился всего один офицер. Кроме того, следовало в кратчайшие сроки пополнить запасы боеприпасов и других военных материалов²⁸.

Одному из харизматичных генералов британской армии XX в., генеральному комиссару и главнокомандующему войсками Соединенного Королевства в Малайе в 1950-х годах сэру Джерарду Темплеру приписывают фразу о том, что решение проблем, возникающих в колониальных владениях, «заключается не в отправке большего числа войск в джунгли, а в завоевании сердец и умов»²⁹. Разумеется, Сербию и другие балканские страны накануне Первой мировой войны никоим образом нельзя отнести к «колониальным владениям» ни России, ни какой-либо иной великой державы. Однако задача «завоевания сердец и умов» народов региона никогда не сходилась с повестки дня российской политики в Белграде, Софии, Бухаресте или Афинах. Чем сами балканские лидеры активно пользовались.

Примечания

¹ *Виноградов В.Н.* Дом Романовых и судьбы Балкан // Императорский дом Романовых и Балканы. М., 2014. С. 67.

² *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 235.

³ Цит. по: *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы... С. 236.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 532. Л. 235–238.

⁵ Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С. 604–605.

⁶ *Растовић А.* Срби, Руси и Први светски рат — један пример ревизије историје // Историјски часопис. 2015. Књ. LXIV. С. 368.

- ⁷ *Ђорђевић Д.* Пашић и Миловановић у преговорима за Балкански савез 1912 // Историјски часопис. 1959. № 9/10. С. 467–469.
- ⁸ Подробнее см.: *Данев Ст.* Моите аудиенции с императора Николай II // Сила. 1922. № 18.
- ⁹ *Бади Б.* Возобновление истории? // Международные процессы. 2016. № 2. С. 11.
- ¹⁰ *Колосков Е.А.* Боязнь расчленения: образ бухарестского договора 1913 г. во внешней политике РМ 1991–2001 г. // Букурешкиот мировен договор (1913) и неговите долгорочни последици за Македонија и Југоисточна Европа. Скопје, 2017. С. 41–42.
- ¹¹ *Искендеров П.А.* Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребѣ Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 497.
- ¹² *Искендеров П.А.* Роль дипломатии в истории Балкан // Вопросы истории. 2018. № 4. С. 117.
- ¹³ Русское слово. 12.11.1908.
- ¹⁴ Цит. по: *Трайнин И.* Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М.-Л., 1947. С. 270.
- ¹⁵ Подробнее см.: *Искендеров П.А.* Боснийский узел // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.). М., 2017. С. 371.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 27, 30.
- ¹⁷ La Constitution de la Vieille Serbie. Belgrade, 1913. P. 9.
- ¹⁸ Ibid. P. 10.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 30.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Александру I Карагеоргиевичу в 1914 г. исполнилось 26 лет.
- ²⁴ АВПРИ. Оп. 482. Ф. Политархив. Д. 532. Л. 21.
- ²⁵ Там же. Д. 530. Л. 123–125.
- ²⁶ Споменица Николе П. Пашића 1845–1925. Београд, 1925. С. 721.
- ²⁷ Цит. по: Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998. С. 13.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2907. Л. 2.
- ²⁹ *Малкин С.Г.* Колониальный опыт Великобритании и стратегическое мышление США // Международные процессы. 2016. № 3. С. 55.